

Т. Г.-Масарикъ

(1850—1930).

Восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ, 7 марта 1850 г., въ м. Годонинѣ, лежащемъ въ южной Моравіи, неподалеку отъ Словакіи, въ семьѣ поселившагося здѣсь словака Юсіфа Масарика родился первый ребенокъ — сынъ, получившій при крещеніи имя Томаша. Отецъ его былъ тогда кучеромъ въ одиомъ изъ моравскихъ имѣній австрійскаго императора, мать, онѣмчившаяся ганачка, дочь мясного торговца, до своего замужества служила кухаркой въ господскихъ домахъ. Казалось, социальное положеніе родителей въ значительной мѣрѣ предопредѣляло возможную судьбу сына. Вышло однако иначе. Жизненная дорога Томаша Масарика оказалась далеко необычной и вмѣстѣ съ тѣмъ въ своей необычности чрезвычайно характерной для народа, къ которому онъ принадлежитъ, и для того момента европейской исторіи, съ которымъ совпала его жизнь.

Шести лѣтъ отъ роду Томашъ Масарикъ поступилъ въ начальную школу. Мать его горячо стремилась вывести своихъ дѣтей, что называется, въ люди и, когда выяснилось, что у старшаго сына налицо недюжинныя способности, дома мечтали сдѣлать изъ него учителя. Послѣ начальной школы его отдали въ нѣмецкое реальное училище въ одномъ изъ сосѣднихъ мѣстечекъ. Но, окончивъ это училище, онъ еще не могъ поступить въ учительскую семинарію - въ нее принимали не раньше 16 лѣтъ, а ему было еще далеко до этого возраста. Приходилось ждать, ждать же при царившей въ семьѣ нуждѣ было трудно. Въ результатѣ отецъ помѣстилъ его въ обученіе къ одному слесарю въ Вѣнѣ, а, когда мальчикъ, не вынеся чужой обстановки и плохого обращенія, убѣжалъ домой, устроилъ его ученикомъ къ жившему по сосѣдству знакомому кузнецу. Около года пробылъ мальчикъ въ этомъ ученьи, но затѣмъ передъ нимъ открылась другая дорога. Одинъ изъ бывшихъ его учителей по школѣ, случайно встрѣтившись

съ нимъ и узнавъ объ его работѣ въ кузницѣ, убѣдилъ его родителей дать возможность сыну продолжать образованіе и устроилъ его помощникомъ учителя у своего отца — священника, имѣвшаго въ своемъ завѣдываніи школу. Здѣсь, помогая своему новому патрону и въ школѣ, и въ церкви, молодой Масарикъ вмѣстѣ съ тѣмъ энергично занялся своимъ образованіемъ, изучилъ, въ частности, помимо уже знакомаго ему нѣмецкаго, французскій и латинскій языки и дважды успѣшно сдавалъ въ качествѣ экстерна переводные экзамены въ сосѣдней нѣмецкой гимназіи. Его успѣхи заставили его родителей согласиться на перемѣну начертаннаго ранѣе для него плана — на поступленіе его не въ учительскую семинарію, а въ гимназію, открывавшую путь къ высшему образованію. Въ 1865 г. онъ, дѣйствительно, поступилъ въ нѣмецкую гимназію въ Брнѣ. Живя здѣсь, онъ содержалъ себя самъ, давая уроки, и въ то же время чрезвычайно успѣшно проходилъ гимназическій курсъ.

Но окончить гимназію въ Брнѣ ему все же не пришлось. Ему было 18 лѣтъ, живя самостоятельно, онъ привыкъ чувствовать себя уже взрослымъ чловѣкомъ, когда его впервые захватила волна большой любви. Это была чистая юношеская любовь, но узнавшій о ней директоръ гимназіи счелъ нужнымъ вмѣшаться въ жизнь своего ученика и сдѣлалъ это настолько безтактно, что вызвалъ у юноши горячую вспышку, заставившую его покинуть гимназію. Онъ перевелся въ одну изъ вѣнскихъ гимназій и, окончивъ ее въ 1872 г., собирался было поступить въ восточную академію — его манила къ себѣ дѣятельность дипломата и политика. Но, къ большому его огорченію, оказалось, что въ названную академію принимались почти исключительно дѣти дворянъ, и тогда онъ поступилъ на философскій факультетъ вѣнскаго университета. Годы студенчества прошли у него въ напряженной работѣ, охватывавшей различныя научныя области, но постепенно сосредоточившейся на вопросахъ философіи и соціологій. Окончивъ въ 1876 г. университетскій курсъ со степенью доктора философіи, онъ отправился для дальнѣйшаго усовершенствованія въ избранной спеціальности въ Лейпцигъ. Здѣсь онъ слушалъ лекціи нѣсколькихъ выдающихся спеціалистовъ, свелъ знакомство съ рядомъ начинавшихъ свою дѣятельность ученыхъ и подготавливалъ работу, которая должна была дать ему право на доцентуру въ

вѣнскомъ университетѣ. Здѣсь же онъ познакомился и близко подружился съ американкой миссъ Гарригъ, ставшей затѣмъ его невѣстой. Ихъ бракъ состоялся въ 1878 г. въ Америкѣ, куда Масарика вызвало извѣстіе о болѣзни невѣсты, и со времени этого брака — характерная для Масарика черта — онъ присоединилъ къ своей фамиліи дѣвическую фамилію своей жены. Въ томъ же 1878 году онъ представилъ въ вѣнскій университетъ для соисканія доцентуры свою работу, посвященную «самоубійству, какъ массовому соціальному явленію современности», и со слѣдующаго года началъ въ качествѣ доцента свои университетскіе курсы. Его работы вскорѣ привлекли къ себѣ вниманіе пражскихъ профессоровъ и ему сдѣлано было предложеніе перейти въ Прагу. Онъ принялъ это предложеніе и въ 1882 г. былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ пражскаго университета. Бывшій ученикъ кузнеца сталъ такимъ образомъ признаннымъ учителемъ университетской молодежи, получилъ возможность ковать человѣческія души. И Масарикъ широко использовалъ эту возможность.

Къ этому времени его собственная духовная личность въ главныхъ чертахъ вполнѣ сложилась, основныя линіи его міросозерцанія установились съ полной ясностью. Многое въ этомъ міросозерцаніи вело свое происхожденіе отъ лѣтъ ранней юности, даже отъ лѣтъ дѣтства. Ребенкомъ же, при свѣтѣ только что просыпающагося сознанія, ему пришлось видѣть вокругъ себя униженіе трудящихся и высококомѣрную грубость, проявляющуюся по отношенію къ нимъ со стороны людей, стоявшихъ выше ихъ на ступеняхъ соціальной лѣстницы. Крѣпостного права онъ уже не засталъ, но навыки и нравы крѣпостничества въ годы его дѣтства въ значительной мѣрѣ сохранялись въ окрѣжавшей его жизни и ему приходилось наблюдать ихъ въ тѣхъ императорскихъ имѣніяхъ, въ которыхъ служилъ его отецъ. Послѣдній долженъ былъ, напримѣръ, испрашивать разрѣшеніе своего начальства на помѣщеніе сына въ среднее учебное заведеніе. Случалось Масарику становиться и свидѣтелемъ грубаго обращенія высшихъ служащихъ съ его отцомъ, наполнявшаго его сердце горячимъ негодованіемъ. Все это рано направило его мысль на вопросы соціального порядка. вмѣстѣ съ тѣмъ трудовая обстановка, въ которой онъ выросъ, съ дѣтства воспитала въ немъ, наряду съ непрехотливостью въ личной жизни, самостоя-

тельность и упорную работоспособность. Въ зрѣлые годы онъ съ удовлетвореніемъ отмѣчалъ, что онъ «родился бѣднымъ и никогда не разбогатѣлъ», а «своего профессора и вообще своего положенія добился работой и трудолюбіемъ». Благодаря этому онъ, по его словамъ, «пріобрѣлъ знаніе людей и жизни и сдѣлался, при всей своей теоретичности, практичнымъ». А вмѣстѣ съ этой практичностью онъ воспиталъ въ себѣ и сохранилъ на всю жизнь уваженіе къ труду и глубокую симпатію къ трудящимся.

Наряду съ этимъ онъ вынесъ изъ дѣтскихъ лѣтъ и иного рода чувство, также прочно оставшееся въ его душѣ, — чувство религиозное. Ребенкомъ онъ выросъ въ католичество, осложненномъ вдобавокъ сельскими суевѣрїями. Позднѣе, въ годы отрочества, пробудившаяся мысль не только заставила его отказаться отъ этихъ суевѣрїй, но и посѣяла въ немъ сомнѣніе въ правильности основъ католической церкви. Формальное отношеніе къ религіи со стороны его школьныхъ товарищей и школьнаго начальства только укрѣпляло его въ этихъ сомнѣніяхъ. Когда же католическая церковь провозгласила догматъ папской непогрѣшимости, Масарикъ почувствовалъ себя еще далѣе отошедшимъ отъ католичества и одно время, находясь еще въ гимназіи, записалъ себя въ ней греко-унїатомъ. Впослѣдствїи, будучи уже профессоромъ, онъ окончательно порвалъ съ католической церковью, а вмѣстѣ съ тѣмъ отошелъ и вообще отъ церковности. Но разрывъ съ церковностью не погасилъ въ немъ религиознаго чувства. Наоборотъ, послѣднее сохранилось у него во всей своей силѣ, и одною изъ главнѣйшихъ задачъ своей научной дѣятельности онъ поставилъ примиреніе точнаго знанія съ вѣрой, разума съ религиозно-нравственнымъ чувствомъ, которое, по его представленію, должно проникать и освѣщать собою для человѣка всѣ явленія жизни.

Въ своей первой большой работѣ, разсматривая самоубійство, какъ массовое явленіе современной цивилизаціи, Масарикъ находилъ объясненіе такого явленія въ томъ, что въ условїяхъ этой цивилизаціи исчезло старое, созданное церковью міровоззрѣніе, мирившее людей съ жизнью и помогавшее находить въ ней смыслъ. Вернуться къ этому міровоззрѣнію онъ не считалъ возможнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ указывалъ, что плодотворная борьба съ настроеніемъ, порождающимъ въ современномъ об-

ществу массовыя самоубійства, возможна только при возрожденіи религіознаго чувства, осмысливающего жизнь и вмѣстѣ съ тѣмъ находящаго для себя такія формы, которыя были бы согласованы съ требованіями разума. Ту же по существу мысль — о недостаточности однихъ разумныхъ построеній, ведущихъ къ безграничному скептицизму, и о необходимости дополненія ихъ живымъ человѣческимъ чувствомъ и разумной вѣрой — проводилъ онъ затѣмъ и въ своихъ лекціяхъ, одинаково находя долю истины въ философскихъ ученіяхъ Юма и Паскаля. Къ этой же мысли возвращался и возвращается Масарикъ и въ рядѣ позднѣйшихъ своихъ трудовъ. Настойчиво указываетъ онъ, что «вся современная культура проникнута внутренней разъединенностью, расколотостью современнаго человѣка и его жизни, раздробленностью, нецѣлостностью общества и всеобщей духовной анархіей». Выходъ изъ этой анархіи не можетъ бытъ найденъ, по его мнѣнію, на путяхъ возвращенія въ лоно церкви, къ старой вѣрѣ. Попытки такого возвращенія были, но онъ ничего не дали и не могли дать. «Это вовсе не означаетъ, что религія нежелательна, не обоснована, не нужна; это означаетъ лишь, что современный человѣкъ хочетъ религіи, не противорѣчащей разуму, свободной и индивидуальной». Къ тому же этотъ современный человѣкъ «понимаетъ разницу между религіей и нравственностью; онъ не отвергаетъ религію, но отличаетъ отъ нея и въ ней самой нравственность и на нравственности строитъ сожителство, потому что нравственность не поддается скепсису такъ, какъ трансцендентальныя теологическія идеи». Такъ, и освободившись отъ узъ церковности, Масарикъ сберегъ въ себѣ религіозное чувство и глубокую вѣру въ нравственное начало, одухотворяющее человѣческую жизнь.

Была и еще область, въ которой впечатлѣнія дѣтства и ранней юности оказали сильное вліяніе на складъ мыслей и чувствъ Масарика. Съ дѣтства ему приходилось видѣть вокругъ себя словаковъ чаще всего въ роли слугъ, нѣмцевъ въ роли господъ. Это рано пробудило въ немъ національное чувство. Съ годами оно расширилось и окрѣпло. По-знакомившись съ исторіей своей родины, онъ научился сливать словаковъ и чеховъ въ одинъ народъ и пришелъ къ мысли о необходимости отстаивать его права. Со временемъ историческія событія и жизненныя встрѣчи пробудили въ немъ интересъ и къ другимъ славянскимъ наро-

дамъ. Мальчикомъ пережилъ онъ польское возстаніе 1863 года и оно вызвало у него горячее сочувствіе къ полякамъ, поведшее къ тому, что онъ познакомился съ польскимъ языкомъ и польской литературой. Позднѣе, будучи гимназистомъ въ Вѣнѣ, онъ сблизился съ нѣсколькими русскими и въ результатѣ этого сближенія взялся за изученіе русскаго языка и литературы. Пребываніе въ Лейпцигѣ дало ему возможность ближе познакомиться съ лужицкими сербами, а въ дальнѣйшемъ у него завязались тѣсныя связи и въ средѣ балканскихъ славянъ. Такъ постепенно передъ нимъ вставалъ славянскій міръ со всѣмъ своеобразіемъ отдѣльныхъ своихъ частей и это только укрѣпляло его собственное національное чувство.

Послѣднее однако никогда не переходило у него въ узкій націонализмъ. Отъ такого націонализма Масарикъ оказался прочно застрахованнымъ съ раннихъ поръ. Отстаивая права своего народа, онъ не считалъ нужнымъ ни отрицать достоинства другихъ народовъ, ни замалчивать недостатки своего. «О народахъ и о своемъ народѣ -- писать онъ въ выпущенной имъ въ Прагѣ книгѣ «Чешскій вопросъ», — можно судить совершенно безпристрастно и нѣтъ нужды обожествлять собственный народъ; для меня, напр., словаки изъ-за того, что я знаю ихъ недостатки, нисколько не менѣе дороги, чѣмъ въ то время, когда я не зналъ этихъ недостатковъ. Я не понимаю, почему знаніе дѣйствительности должно помѣшать естественной любви къ своему народу, языку и національности. Я не вѣрю въ особо избранные народы. Мнѣ не нужно принижать другіе народы, чтобы возвысить свой. Я знаю недостатки и другихъ народовъ, но они не огорчаютъ меня такъ, какъ недостатки моего народа — мои собственные недостатки. Я охотно признаю преимущества другихъ народовъ, но это нисколько не вліяетъ на мое національное чувство. Я считаю нравственною обязанностью откровенно говорить и о своемъ, и о чужихъ народахъ: національное авгурегво только мѣшаетъ собственному прогрессу».

«Не любовь къ своему народу, — писалъ онъ много позже, уже послѣ міровой войны, повторяя мысли, высказывавшіяся имъ много разъ, но шовинизмъ является врагомъ народовъ и человѣчества. Любовь къ своему народу не требуетъ ненависти къ иному народу». Но она требуетъ, утверждалъ онъ, другого. Если любовь къ своей родинѣ и къ своему народу является совершенно закон-

ной и неизбежной, то цѣнной она становится только тогда, когда она сознательна, когда, не закрывая глазъ на недостатки народа, она стремится исправить ихъ и поднять его на высшую ступень культуры. И при этомъ нѣтъ надобности особенно заботиться о національномъ характерѣ культуры — онъ получится самъ собою. «Мы правильно разрѣшимъ національную задачу, если поймемъ, наконецъ, что, чѣмъ національнѣе мы хотимъ быть, тѣмъ должны мы быть общечеловѣчнѣе. И, наоборотъ, чѣмъ мы будемъ общечеловѣчнѣе, тѣмъ будемъ и національнѣе».

Эти положенія, съ которыми Масарикъ подходилъ къ собственному народу, онъ послѣдовательно примѣнялъ затѣмъ и ко всему славянству. Рѣшительно настаивая на близости славянскихъ народовъ между собою и на серьезномъ значеніи факта такой близости, онъ не увлекался однако ни туманными фразами о міровыхъ задачахъ славянства, ни распространенными въ годы его юности въ значительной части чешскаго общества наивными мечтами объ освобожденіи и объединеніи всѣхъ славянъ Россіей. Возражая противъ такого наивнаго «некритическаго славянства», онъ настойчиво указывалъ на необходимость конкретнаго знанія славянскаго міра и междуславянскихъ отношеній, съ горечью отмѣчая, что «едва-ли гдѣ-либо можно найти такое невѣжество по отношенію къ славянству, какое проявляется у насъ». Самъ онъ послѣ поселенія своего въ Прагъ не переставалъ внимательно изучать различные славянскіе народы и при помощи знакомства съ ихъ литературой, и путемъ поѣздокъ. Особенно пристально вглядывался онъ въ Россію. И это привело его къ выводамъ, рѣзко расходящимся со взглядами и русскихъ, и чешскихъ славянофиловъ.

Эти выводы, впервые намѣченные въ сравнительно ранней работѣ о Кирѣевскомъ и затѣмъ неоднократно высказывавшіеся по разнымъ поводамъ, въ наиболѣе полномъ видѣ были изложены Масарикомъ въ книгѣ «Россія и Европа», выпущенной уже чаканунѣ міровой войны, въ 1913 году, — книгѣ, запрещенной тогда въ Россіи и потому ставшей въ ту пору извѣстной лишь небольшой части русскаго общества. Не со всѣмъ въ этой книгѣ можно согласиться, нѣкоторыя утвержденія ея автора могутъ быть съ успѣхомъ оспариваемы, но во всякомъ случаѣ все, сказанное здѣсь Масарикомъ, явилось результатомъ не по-

верхностныхъ и поспѣшныхъ наблюдений, а внимательнаго и добросовѣстнаго изученія русской литературы и русской жизни. И, нужно прибавить, это изученіе соединялось съ глубокой симпатіей къ изучаемой странѣ. Рѣзко критикуя русскую правительственную систему, съ осужденіемъ отмѣчая въ своемъ обзорѣ русскихъ умственныхъ теченій максимализмъ русской интеллигенціи и крайнюю оторванность ея отъ практической жизни, Масарикъ одновременно не забывалъ указать и свѣтлыя стороны русской культуры, и привлекательныя свойства русскаго народа. «Я могъ — по праву писалъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ послѣ міровой войны — спокойно сказать, что любилъ Россію, т. е. русскій народъ, не менѣе, чѣмъ наши руссофилы, но любовь не можетъ и не должна одурманивать разумъ». «Россія — говорилъ онъ въ тѣхъ же воспоминаніяхъ — нужна не только намъ и остальнымъ славянамъ, но и всему свѣту. Мы были руссофилами до войны и во время войны, ими мы и останемся, но будемъ лучшими руссофилами, мыслящими и практически». И, возражая противъ славянскаго мессіанизма и панславизма, Масарикъ энергично настаивалъ на возможности синтеза культуръ европейскаго запада и востока, на необходимости не только славянской, но и всепародной взаимности.

Во всякомъ случаѣ при такомъ пониманіи Россіи, какое было у Масарика, онъ не ожидалъ и не могъ ожидать отъ нея, какъ ждали этого довольно многіе изъ его соотечественниковъ, освобожденія чешскаго народа. Въ его представленіи это освобожденіе должно было быть прежде всего дѣломъ самыхъ чеховъ, самого чешскаго народа. И, стремясь къ свободѣ, послѣдній долженъ былъ, по мнѣнію Масарика, въ этомъ стремленіи опираться не только на историческое, но и на естественное право, и идти къ демократіи, ибо именно демократія, и только она, означаетъ и даетъ свободу. Утверждая это, Масарикъ понималъ демократію не какъ простую форму государственнаго устройства, даже не вообще какъ нѣкій порядокъ, реально уже существующій въ законченномъ видѣ, а какъ идеалъ, которому предстоитъ еще воплотиться въ жизни. «Еще нигдѣ — писалъ онъ уже послѣ міровой войны — нѣтъ послѣдовательно осуществленной демократіи; всѣ демократическія государства являются до сихъ поръ лишь опытомъ созданія демократіи». Одно болѣе, другое менѣе, всѣ они «сохранили въ себѣ многое изъ духа и уст-

ройства стараго режима, изъ котораго они возникли, — на свободѣ, равенствѣ и братствѣ какъ внутри, такъ и внѣ будутъ основаны лишь дѣйствительно новыя государства, государства будущаго». Дѣло въ томъ, что отъ стараго типа государствъ демократія отличается не только формой, но самымъ принципомъ. «Демократія — это государственная форма современнаго организованнаго общества, современнаго міросозерцанія, современнаго человека; демократія вырастаетъ изъ цѣлостнаго взгляда на міръ и на жизнь, изъ новаго взгляда, изъ новой точки зрѣнія и новаго метода. Признаніе и осуществленіе равенства всѣхъ гражданъ, признаніе за всѣми гражданами права на свободу, гуманитарный принципъ какъ внѣшняго, такъ и внутренняго братства — это не только политическая, но и моральная новизна».

Такъ понимаемая демократія должна выразиться въ преобразованіи всѣхъ сторонъ жизни. Въ соотвѣтствіи съ демократическимъ принципомъ должны быть преобразованы органы законодательства, управленія и дипломатіи, должна быть перестроена школа, должна быть расширена и углублена культура. «Цивилизованный человекъ постоянно ищетъ счастья и здоровья и однако онъ несчастенъ и нездоровъ. Этотъ современный цивилизованный человекъ еще ужасно некультуренъ».

Демократическій принципъ долженъ быть, въ пониманіи Масарика, найденъ и въ экономической и соціальной области. Соціализмъ въ той формулировкѣ, какую онъ нашелъ себѣ у Маркса, былъ, правда, неприемлемъ для Масарика. Въ своей книгѣ «Философскія и соціологическія основы марксизма», вышедшей въ 1899 г. и уже очень скоро переведенной и на русскій языкъ, онъ подвергъ ученіе Маркса убѣдительному критикѣ. Но сами по себѣ основныя положенія социализма были ему близки и онъ въ значительной мѣрѣ раздѣлялъ ихъ. Только подходилъ онъ къ нимъ инымъ путемъ, исходя главнымъ образомъ изъ этическихъ соображеній. «Соціальный вопросъ — говорилъ онъ въ одной изъ своихъ рѣчей въ 1891 г. — вопросъ не только хозяйственный, но прежде всего моральный и духовный». «Освобожденіе рабочихъ — заявлялъ онъ въ другой разъ — наше общее освобожденіе». А, когда въ 1906 г. его на одномъ собраніи обозвали социалистомъ, онъ отвѣтилъ, что его соціальное исповѣданіе «очень просто: всегда за рабочаго, очень часто

съ социализмомъ, изрѣдка съ марксизмомъ». Идеаломъ для него являлось социальное равенство, но въ возможность немедленнаго его достиженія онъ не вѣрилъ и путь къ этому равенству лежалъ для него черезъ демократію, которая, по его опредѣленію, «на практикѣ означаетъ терпимое неравенство, неравенство, какъ можно меньшее и уменьшающееся».

Тотъ путь, на которомъ всѣ эти взгляды могли бы найти себѣ осуществленіе, подсказывался Масарику опять-таки его моральнымъ подходомъ къ вопросамъ человѣческой жизни. Переворотъ въ послѣдней долженъ былъ, по его мнѣнію, произойти въ умственной и моральной сферѣ. Революція, къ которой онъ призывалъ, должна была быть революціей головы и сердца и только въ этомъ случаѣ она могла быть плодотворной. Насилія же, какъ средства проведенія своихъ взглядовъ въ жизнь, онъ ни въ какомъ случаѣ не допускалъ. «Если мы хотимъ — писалъ онъ уже послѣ мировой войны — имѣть настоящую современную, послѣдовательную демократію, то мы должны отвыкнуть отъ прежнихъ политическихъ привычекъ, т. е. отъ всѣхъ видовъ и формъ насилія». Тотъ же взглядъ онъ проводилъ и раньше, указывая, что человѣкъ, допускающій дѣйствіе насилія для себя, тѣмъ самымъ допускаетъ его и для другихъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не доводилъ этого взгляда до крайности, до толстовскаго непротивленія злу. Насиліе недопустимо, но именно поэтому противъ него можно защищаться. Насильственно полируемая права можно и должно отстаивать, отстаивать даже «железомъ», если нѣтъ на лицо другого дѣйствительнаго средства защиты. Тѣмъ самымъ находить себѣ оправданіе и насильственно совершаемая революція, поскольку она исходитъ изъ обороны погрязшихъ правъ и является такой обороной.

Законность насильственной революціи Масарику допускалъ и допускаетъ такимъ образомъ въ весьма тѣсныхъ предѣлахъ. Нормальнымъ путемъ устроенія жизни и поднятія ея на высшую ступень культуры для него оставалась и остается не революція, а реформа. При этомъ онъ не закрывалъ и не закрываетъ глазъ на то, что реформа нерѣдко можетъ быть практически осуществлена только на путяхъ компромисса. Но бываютъ — указываетъ онъ компромиссы и компромиссы. Компромиссъ въ средствахъ или въ неважныхъ, сравнительно второстепенныхъ вопро-

сахъ вполне допустимъ, ибо онъ, можетъ быть, удлиняетъ путь осуществленія намѣченной программы, но не отклоняетъ отъ него. Иное дѣло — принципиальный компромиссъ, сводящійся къ отказу отъ своихъ взглядовъ, къ исканію золотого, средняго пути, котораго въ дѣйствительности не существуетъ. Такой компромиссъ совершенно недопустимъ. Разъ намѣтивъ себѣ программу, основанную на добросовѣстномъ изученіи окружающей жизни, нельзя отказываться отъ этой программы, надо неуклонно, неумолимо идти по дорогѣ ея осуществленія, — въ концѣ концовъ правда побѣдитъ.

Эти взгляды и эти пути проведенія ихъ въ жизнь, по убѣжденію Масарика, тѣмъ легче могли быть усвоены чешскимъ народомъ, что они вытекали изъ его же прошлаго, изъ его собственной исторіи. Гусъ и Жижка, Коменскій, Гавличекъ и Палацкій въ свое время, отстаивая самостоятельность чешскаго народа, вырабатывали гуманитарныя идеи и боролись за нихъ. Народъ, выдвинувшій въ прошломъ этихъ дѣятелей, можетъ и долженъ идти впередъ по пути гуманитарнаго прогресса, къ современной демократіи, можетъ и долженъ бороться за осуществленіе ея въ его собственной жизни. Его же прошлое вдохновляетъ его къ такой борьбѣ. А, съ другой стороны, онъ въ этой борьбѣ не останется совершенно одинокимъ. Всякое усиленіе демократіи въ Европѣ укрѣпитъ и идею чешской самостоятельности. И отъ самихъ чеховъ будетъ уже зависѣть углубить и закрѣпить эту связь общей демократической идеи, развивающейся въ Европѣ, съ реальнымъ осуществленіемъ ея въ Чехіи, для чешскаго народа.

Мыслитель, стремящійся примирить мысль съ чувствомъ, признающій законность вѣры, но призывающій руководиться въ жизни разумомъ, послѣдовательный демократъ и гуманистъ, горячій патриотъ, чуждый всякаго шовинизма, ищущій въ завѣтахъ прошлаго родного народа поддержки и поощренія на пути къ лучшему, болѣе челоувѣчному будущему и ставящій основной своей задачей путемъ неуклоннаго служенія истинѣ подготовить умы и сердца своихъ современниковъ къ этому будущему, — таковы были черты духовной личности Масарика, когда онъ начиналъ свою дѣятельность въ старой чешской столицѣ. Конечно, не всѣ эти черты выступили тогда же съ полной отчетливостью. Онѣ проявлялись постепенно, въ извѣстной послѣдовательности, сказывались отъ случая къ слу-

чаю, но въ основномъ къ моменту переѣзда Масарика въ Прагу его міросозерцаніе и его личность были уже закончены.

Въ связи съ этимъ Масарикъ уже очень скоро сталъ въ Прагѣ замѣтнымъ человѣкомъ. Прежде всего это, естественно, проявилось въ университетѣ. Въ стѣны пражскаго университета съ приходомъ въ него Масарика ворвалась свѣжая струя. Будучи профессоромъ философіи, Масарикъ не создалъ, правда, своей, цѣльной и законченной философской системы. Не образовалъ онъ поэтому и своей школы. Зато онъ давалъ студентамъ нѣчто иное. Стоя самъ, благодаря своей неустанной работѣ, на высотѣ современной науки, онъ обстоятельно знакомилъ свою аудиторію съ европейской философской мыслью, въ частности, съ философами Англии и Франціи, до того мало извѣстными въ Чехіи. вмѣстѣ съ тѣмъ, поднимая и обсуждая въ своихъ лекціяхъ основные вопросы жизни и знанія, онъ стремился не столько давать слушателямъ окончательные, авторитетные отвѣты на эти вопросы, сколько пробуждать инициативу самостоятельнаго ихъ рѣшенія. И если около него было немного учениковъ въ тѣсномъ академическомъ смыслѣ этого слова, то многіе изъ студентовъ, въ теченіе ряда лѣтъ проходившихъ черезъ его аудиторію, уносили съ собою новыя представленія о жизни и новое стремленіе къ работѣ на благо родного народа.

Но съ первыхъ шаговъ Масарика въ Прагѣ дѣятельность его не замыкалась исключительно въ стѣнахъ университета. Въ его пониманіи наука являлась тѣсно связанной съ жизнью, должна была непосредственно служить послѣдней, и самая философія, по его собственнымъ словамъ, была для него, главнымъ образомъ, этикой, соціологіей и политикой. Менѣе всего онъ могъ быть только кабинетнымъ ученымъ, стоящимъ вѣ сторонѣ отъ живой дѣйствительности и лишь издали наблюдающимъ ее. Онъ, наоборотъ, рвался къ вмѣшательству въ эту дѣйствительность. «Профессоромъ, — говоритъ онъ въ одной изъ своихъ книгъ, вспоминая свои молодые годы, — я никогда не хотѣлъ быть; мой планъ состоялъ въ томъ, чтобы стать дипломатомъ и политикомъ». И, ставъ профессоромъ, онъ немедленно взялся за широкую культурную работу, которая вплотную подвела его къ политикѣ. Уже черезъ годъ послѣ своего переѣзда въ Прагу онъ сталъ здѣсь во гла-

въ основаннаго по его иниціативѣ журнала, къ которому онъ успѣлъ привлечь рядъ сотрудниковъ и въ которомъ самъ повелъ крайне энергичную работу, выступая на его страницахъ въ роли то философа, соціолога или историка, то литературнаго критика, то публициста.

Эта кипучая дѣятельность скоро наткнулась на отпоръ. Чешскій патріотизмъ Масарика раздражалъ нѣмцевъ, его свободомысліе возстанавливало противъ него чешскихъ консерваторовъ. И, когда онъ, руководимый научной добросовѣстностью, въ срединѣ 80-хъ годовъ далъ мѣсто въ своемъ журналѣ статьямъ, доказывавшимъ подложность знаменитыхъ Краледворской и Зеленогорской рукописей, считавшихся до того своего рода національными святынями, противъ него поднялась настоящая буря. Его клеймили названіемъ измѣнника національному дѣлу, старались выжить изъ университета, вооружали противъ него студентовъ. Масарикъ, убѣжденный, что національное достоинство не нуждается ни въ какихъ мѣахъ и что истину никогда нельзя замалчивать, остался твердъ и въ концѣ концовъ выигралъ борьбу. Больше того, онъ имѣлъ удовольствіе видѣть, что его наиболѣе вліятельные противники, вожди старочешской и младочешской партій, испытавъ его мужество и силу, стали сами искать возможности совмѣстной политической работы съ нимъ. Съ старочехами ему не удалось сговориться, но съ младочехами соглашеніе состоялось. Въ 1890 г. Масарикъ и бывшіе тогда его единомышленниками Крамаржъ и Кайзль вошли въ младочешскую партію, образовавъ въ ней ея лѣвое крыло. Въ слѣдующемъ году Масарикъ былъ выставленъ отъ партіи кандидатомъ въ вѣнскій парламентъ и прошелъ на выборахъ — передъ нимъ открылась и дорога чисто политической, парламентской дѣятельности.

Онъ началъ эту дѣятельность смѣлой рѣчью, въ которой въ весьма рѣшительныхъ выраженіяхъ говорилъ о стремленіи чешскаго народа къ самостоятельной жизни и о препятствіяхъ, какія это стремленіе вызываетъ со стороны нѣмцевъ. Послѣ этого дебюта, привлекашаго къ себѣ большое вниманіе, онъ нѣкоторое время усердно работалъ въ парламентѣ. Но довольно скоро уже его стала тяготить мелочность, царившая въ средѣ тогдашнихъ чешскихъ партій, и въ 1893 г. онъ сложилъ свои полномочія, рѣшивъ вернуться къ культурной работѣ. Университетскія занятія, многочисленныя публичныя лекціи въ Прагѣ и въ

провинціи, лекціонныя поѣздки за границу, въ Америку, выпускъ большихъ ученыхъ трудовъ и ряда брошюръ по разнообразнымъ вопросамъ, дѣятельное участіе въ журналахъ и газетахъ — таковы были формы этой работы, которую онъ неустанно велъ въ теченіе четырнадцати лѣтъ послѣ своего выхода изъ парламента. Бывало, что эта работа опять вызывала противъ него бурю негодованія въ окружавшемъ его обществѣ — онъ смѣло встрѣчалъ такую бурю. Такъ было, когда въ 1899 г. онъ выступилъ съ рѣшительнымъ протестомъ противъ приговора суда присяжныхъ, присудившаго еврею Гильзнера къ смертной казни за совершенное имъ якобы ритуальное убійство христіанки. Несмотря на всѣ предупрежденія, что такой протестъ можетъ обойтись ему очень дорого, Масарикъ не поколебался категорически заявить о несправедливости обвиненія въ ритуальномъ убійствѣ и о необходимости пересмотра процесса. Предупрежденія оправдались — противъ него была открыта настоящая травля на улицахъ, въ общественныхъ собраніяхъ, въ университетѣ, его самого привлекли къ суду, но онъ остался опять-таки твердъ и въ концѣ концовъ добился побѣды — обвиненіе въ ритуальномъ убійствѣ было признано неправильнымъ и было снято съ Гильзнера. Бывали и такіе моменты, когда Масарика привлекали къ суду за оскорбленіе религіи, якобы допускавшагося имъ въ его произведеніяхъ. Но все это не оказывало на него вліянія. Не вызывая самъ борьбы, но и не уклоняясь отъ нея, когда ему ее навязывали, онъ спокойно и увѣренно шелъ однажды намѣченной дорогой, неустанно развивая свою работу.

Эта напряженная культурная работа имѣла однако и политическій характеръ. По существу въ основѣ ея лежала и всю ее направляла мысль о необходимости возобновить самостоятельную жизнь чешскаго народа, возстановить его поправныя и ущемленныя права и дать отпоръ стремившейся къ ограниченію этихъ правъ австрійской политикѣ. Своей культурной дѣятельностью Масарикъ сѣялъ сѣмена, которыя должны были взойти и дать урожай и въ области политики. Приблизительно съ середины того періода, о которомъ сейчасъ идетъ рѣчь, и въ его собственной дѣятельности уже вполне явственно сталъ проступать чисто политическій элементъ. Въ 1900 г. группа единомышленниковъ Масарика рѣшила основать въ Чехіи новую партію, давъ ей названіе реалистической или,

иначе, прогрессивной народной партіи. Масарикъ возглавилъ эту партію и повелъ за ея программу энергичную пропаганду, которая черезъ нѣкоторое время вновь вывела его на парламентское поприще.

Въ 1907 г. онъ былъ избранъ въ вѣнскій парламентъ и первыя же его выступленія здѣсь, направленные на защиту свободы университетскаго преподаванія, которой серьезно угрожали тогда происки и притязанія клерикаловъ, привлекли къ нему общественное вниманіе. Это вниманіе еще болѣе усилилось, когда онъ вступилъ въ борьбу съ министромъ иностранныхъ дѣлъ Эренталемъ изъ-за такъ назыв. загребскаго процесса 1908 г. Этотъ процессъ, въ которомъ были привлечены къ суду и осуждены по обвиненію въ государственной измѣнѣ 53 хорвата и серба, долженъ былъ, по планамъ австрійскихъ властей, послужить своего рода оправданіемъ для аннексіи Босніи и Герцеговины. Знакомые Масарику сербы и хорваты обратились къ нему съ просьбой вступить въ это дѣло, спасти невинно, по ихъ увѣреніямъ, осужденныхъ людей и возстановить справедливость. Масарикъ взялъ на себя эту задачу. Онъ предпринялъ поѣздки въ Загребъ и въ Бѣлградъ, продѣлалъ долгую и трудную работу разслѣдованія дѣла на мѣстѣ и въ австро-венгерскихъ делегаціяхъ, куда онъ былъ выбранъ для этой цѣли своими товарищами, неопровержимо доказалъ, что весь процессъ былъ построенъ, съ вѣдома и содѣйствія австрійской дипломатіи, на подложныхъ документахъ. Въ результатѣ обвинительный приговоръ былъ отмѣненъ, обвиняемые, во избѣжаніе новаго суда, были помилованы императоромъ, а Эренталь, въ виду разыгравшагося европейскаго скандала, черезъ нѣкоторое время покинулъ свой постъ. вмѣстѣ съ тѣмъ вся эта исторія нанесла тяжелый ударъ агрессивной политикѣ Австро-Венгріи по отношенію къ славянамъ, въ частности, къ сербамъ. И лишній разъ во всемъ своемъ блескѣ проявилась въ этой исторіи энергія и стойкость Масарика въ дѣлѣ защиты истины и отстаиванія правъ славянскихъ народовъ.

Къ этому времени онъ пользовался уже, какъ ученый и какъ политикъ, общепризнаннымъ авторитетомъ не только на родинѣ и въ другихъ славянскихъ странахъ, но и далеко за ихъ предѣлами. Чтобы заслужить такой авторитетъ, имъ сдѣлано было достаточно. И, когда въ 1910 г. въ Прагѣ устроено было его чествованіе по случаю исполнившагося его 60-лѣтія, чествованіе это получило весьма

широкій характеръ. Но самъ онъ, отвѣчая на обращенныя къ нему привѣтствія, заявилъ, что все, сдѣланное имъ до сихъ поръ, было только «предисловіемъ». «Я хочу — говорилъ онъ — прожить до 80 лѣтъ и главное еще наступить».

Это полушуточное предсказаніе, какъ извѣстно, оправдалось полностью — главное дѣло жизни Масарика было впереди. Уже въ послѣдніе годы передъ міровой войной онъ окончательно извѣрился въ долго существовавшей у него надеждѣ на то, что Австрія преобразится въ демократическое государство и что это дастъ возможность чехамъ, не порывая связи съ ней, наладить свою свободную и самостоятельную жизнь. Разставшись съ этой надеждой, онъ пришелъ къ убѣжденію, что чехамъ остается добиваться распадѣнія Австріи и созданія совершенно самостоятельнаго чешскаго государства. И, когда увлекаемая своимъ рокомъ Австрія нападеніемъ на Сербію открыла міровую войну, онъ сразу, хотя и не безъ тяжелаго раздумья, опредѣлилъ свое мѣсто и свою роль въ начавшейся борьбѣ. Организовавъ, кого могъ, вокругъ своихъ плановъ на родинѣ, онъ самъ въ 1915 г. выѣхалъ за границу и повелъ въ руководящихъ кругахъ странъ Согласія энергичную пропаганду за разрушеніе австро-венгерской монархіи и созданіе на ея развалинахъ независимой Чехословакіи. Неумоимо, изо дня въ день велъ онъ эту пропаганду въ печати, въ публичныхъ собраніяхъ, въ дипломатическихъ канцеляріяхъ, въ частныхъ бесѣдахъ съ работниками прессы, съ политиками и дипломатами, съ самыми разнообразными дѣятелями разныхъ странъ. Одновременно, убѣжденный въ томъ, что чехи должны и своими силами добывать себѣ свободу, онъ взялся за организацію чешскихъ легіоновъ въ странахъ Согласія. Постепенно усилія увѣнчивались успѣхомъ. Масарикъ сталъ признаннымъ вождемъ всего чешскаго заграничнаго движенія, легіоны создались и поступили подъ его верховное руководство, союзники признали организованный имъ и находившійся подъ его предсѣдательствомъ Національный Комитетъ представительствомъ Чехіи и открыто поставили одной изъ цѣлей войны возстановленіе самостоятельности чешскаго народа.

Прошло четыре года неустанной, до-нельзя напряженной работы. 28 октября 1918 г. возставшая Прага провозгласила независимость Чехословакіи и черезъ нѣсколько

дней Масарика по телеграфу вызвали на родину, какъ президента Чехословацкой республики. «Вашъ авторитетъ безпредѣленъ, васъ ждутъ», говорилось въ этой телеграммѣ.

Два раза съ тѣхъ поръ переизбирался Масарикъ президентомъ новой республики, двѣнадцатый годъ безсмѣнно стоитъ онъ на этомъ посту. За эти годы Европа переживала процессъ медленнаго залечиванія ранъ, нанесенныхъ войною, медленнаго возстановленія, послѣ ужасовъ и потрясеній войны, нормальныхъ порядковъ жизни. Въ Чехословацкой республикѣ этотъ процессъ шель и идетъ быстрѣе, чѣмъ во многихъ другихъ странахъ. И въ немалой мѣрѣ это зависитъ отъ свойствъ того челоука, который сталъ здѣсь во главѣ государства. Испытанный и увѣренный въ себѣ демократъ, исполненный уваженія къ правду, который онъ возглавляетъ, Масарикъ не позволяетъ ни себѣ, ни другимъ ни уклоняться въ область демагогii, ни прибѣгать къ приемамъ диктатуры. Соединяя въ себѣ ясныя теоретическія взгляды съ большой практичностью и дѣловитостью, онъ умѣетъ вести государственный корабль, не отклоняясь въ сторону отъ намѣченныхъ въ духѣ современной демократii цѣлей, но и не проявляя чрезмѣрнаго доктринерства, не настаивая во что бы то ни стало на невозможныхъ въ данную минуту рѣшеніяхъ, сглаживая и смягчая существующія противорѣчiя. И судьба дала ему возможность увидѣть и ощутить результаты его работы. День его 80-лѣтiя обратился въ общенародный праздникъ страны, вѣрнымъ сыномъ которой онъ всегда былъ, вѣрнымъ и надежнымъ руководителемъ которой онъ является сейчасъ.

Надо ли говорить, что для насъ, русскихъ, этотъ праздникъ имѣетъ особенное значеніе? Къ старымъ связямъ, соединявшимъ Масарика съ Россіей, связямъ интеллектуальнымъ, годы его президенства прибавили новыя. Въ эти годы десятки тысячъ выброшенныхъ изъ Россіи русскихъ людей нашли себѣ пріютъ въ Чехословацкой республикѣ, тысячи русскихъ дѣтей и юношей получили или закончили въ ней образованіе, рядъ русскихъ культурныхъ учреждений былъ созданъ въ Прагѣ, рядъ русскихъ культурныхъ силъ былъ сохраненъ Чехословакiей. И во всемъ этомъ большомъ культурномъ дѣлѣ, сдѣланномъ молодой республикой, немалая роль принадлежала ея президенту. Свою симпатію къ Россіи Масарикъ хранилъ и

проявлялъ неизмѣнно. Достаточно напомнить, что, когда не такъ давно его президентское жалованье было увеличено на миллионъ кронъ, онъ всю эту сумму пожертвовалъ въ пользу голодающихъ въ Россіи. Неизмѣнно внимательно относился онъ и къ нуждамъ русскихъ эмигрантовъ въ Чехословакии. Всего этого нельзя не помнить и, вспоминая, нельзя не сказать, что въ хорѣ чужеземныхъ голосовъ, привѣтствующихъ 80-лѣтняго чешскаго демократа, по праву занявшаго мѣсто перваго гражданина Чехословацкой республики, русскому голосу естественно звучать громче другихъ.

В. Мякотинъ.